

Месть Самурая

Киллер Константинов по кличке Самурай совершает заказное убийство владельца ночного клуба Русанова. Чтобы не платить остаток денег, люди заказчика совершают покушение на него самого. Раненый Константинов попадает в полицию. Теперь он подозреваемый.

Жена Русанова Валерия, которая видела Самурая в лицо, предпочла «не узнать» его на опознании. Константинов считает, что она не выдала его, потому что ненавидела мужа.

Киллер вызывается найти заказчика, которому покойный Русанов задолжал четверть миллиона долларов и который представляет собой угрозу для жизни и бизнеса вдовы. Тем временем новый мэр города подминает под себя весь бизнес и расправляется со всеми, кто не продает по дешевке свои заведения и фирмы. Теперь расправа грозит и Валерии, унаследовавшей ночной клуб мужа. Она как кость в горле городской мафии. И от нее нужно избавиться...

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

МЕСТЬ САМУРАЯ

Сергей Майдуков

Мечь Самурая

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Майдуков С. Г., 2020

© DepositPhotos.com / Hasenonkel, liukov, Snail86,
vladimirgappov@yandex.ru, YAYImages, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-8208-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Кілер Константінов на прізвисько Самурай скоює замовне вбивство власника нічного клубу Русанова. Щоб не сплачувати решту грошей, люди замовника здійснюють замах на нього самого. Поранений Константінов потрапляє до поліції. Тепер він підозрюваний.

Дружина Русанова Валерія, яка бачила Самурая, обрала «не впізнати» його на опізнанні. Це не дарма... Кілер викликався знайти того, кому покійний Русанов заборгував чверть мільйона доларів і хто загрожує життю й бізнесу вдови. Тим часом новий мер міста підминає під себе весь бізнес. Розправа загрожує і Валерії, яка успадкувала нічний клуб чоловіка. Вона наче кістка в горлі міської мафії. І її треба позбутися...

Майдуков С.

М14 Мечь Самурая : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 256 с.

ISBN 978-617-12-8122-6

Киллер Константинов по кличке Самурай совершает заказное убийство владельца ночного клуба Русанова. Чтобы не платить остаток денег, люди заказчика совершают покушение на него самого. Раненый Константинов попадает в полицию. Теперь он подозреваемый.

Жена Русанова Валерия, которая видела Самурая, предпочла «не узнать» его на опознании. Это неспроста... Киллер вызывается найти того, кому покойный Русанов задолжал четверть миллиона долларов и кто угрожает жизни и бизнесу вдовы. Тем временем новый мэр города подминает под себя весь бизнес. Расправа грозит и Валерии, унаследовавшей ночной клуб мужа. Она как кость в горле городской мафии. И от нее нужно избавиться...

УДК 821.161.1(477)

Дизайнер обложки Алексей Безруков

Нет большего одиночества, чем одиночество самурая, разве что тигра в джунглях.

Жан-Пьер Мельвил

Глава первая

Пробежка и заплыв

Константинов давно отвык от своей фамилии. Теперь он звался Самураем. Прозвище его устраивало. Так он и жил самураем. Одиноким и верным своему собственному кодексу чести.

В полотенце, лежащем на скамье в двух шагах от него, был замотан пистолет с заблаговременно навинченным глушителем. Магазин был полон, хотя Самурай рассчитывал обойтись двумя или тремя выстрелами.

Время жать на спусковой крючок пока что не пришло. До появления объекта оставалось минут десять, так что Самурай продолжал разминаться на площадке с турником, брусьями и прочими примитивными спортивными снарядами. Упражняясь, он не усердствовал, чтобы не перенапрягать руку, которая не должна была дрогнуть в ответственный момент. Подтянувшись пару раз, он спрыгивал с турника и делал наклоны или приседания. Его боковое зрение было постоянно обращено в тот конец аллеи, откуда должен был появиться покойник. То, что этот человек пока что дышал и двигался, ничего не меняло. Для Самурая он был покойником.

Дело происходило в парке на берегу большого озера. Когда-то здесь был песчаный карьер, впоследствии наполнившийся водой. Поскольку озеро находилось в черте города, на краю обширного спального района, то часов с семи утра сюда подтягивались собачники, любители кросса и спортивной ходьбы, а также пловцы и йоги с резиновыми ковриками. Сейчас же было для них рановато, так что Самурай разминался в гордом одиночестве.

Будущий покойник приезжал на пробежки всегда в одно и то же время, между двадцатью и двадцатью пятью минутами седьмого. Самурая он и его охранники уже видели несколько раз и успели привыкнуть к тому, что он отирается возле турника. Чтобы они не напрягались, он всегда появлялся в одних и тех же ярко-красных

шортах, заметных издалека. В первый раз они подействовали на телохранителей, как красная тряпка на быка, а потом стали привычной деталью пейзажа. Так и было задумано.

Самурай никогда не пользовался снайперской винтовкой. Тому было много причин. Ну, например, торговцы боевым арсеналом в любой момент могли продать информацию о человеке, которому продали столь редкое оружие. Во-вторых, винтовки стоили больших денег, а их почти всегда нужно было бросать, чтобы не привлечь к себе внимание сумкой или чехлом. Это в кино киллеры безнаказанно расхаживают повсюду с элегантными кейсами и футлярами для виолончелей. В реальной жизни подобные атрибуты слишком бросаются в глаза. Имелись и другие профессиональные соображения, удерживавшие Самурая от применения снайперских винтовок, хотя главная состояла в том, что ему не нравилось убивать исподтишка. Идя на сближение с жертвой, он подвергал себя риску, и это в какой-то мере уравнивало их шансы. Ощущение опасности придавало его занятию особый, неповторимый вкус. Возможно, ради него Самурай и стал профессиональным убийцей. Не в полной мере, но отчасти это было верно.

Константинов никому и никогда не рассказывал, как и почему стал тем, кем стал. Теперь он был Самураем, а самураям не пристало выдавать свои секреты.

Посторонние видели в нем обычного человека, от которого не ждешь неприятностей. Женщины отмечали, что он хорошо сложен и красив. Мужчины полагали, что уж слишком красив. Тех, кто принимал голубые глаза и густые ресницы Самурая за признак хрупкости и изнеженности, ожидал большой сюрприз, после которого их мнение менялось коренным образом. За приятной, слегка женственной внешностью скрывался жесткий и очень сильный характер, сломить который пока что не удавалось никому.

Физическая красота могла сильно осложнить жизнь Самурая, являясь запоминающейся приметой, поэтому он старался не оставлять свидетелей. Другой приметной деталью являлись черные, как вороново крыло, волосы, но зато, гладко зализывая их назад, удавалось добиться кардинального изменения внешности. Вторым излюбленным трюком Самурая было отпускание недельной щетины, которая делала

его неузнаваемым. Гладко выбритый он выглядел лет на тридцать. Небритым мог сойти за сорокалетнего.

Готовясь к выполнению заказа, он выбрал более молодой и невинный образ, дабы не вызывать подозрений. Такой себе спортивный парень, качающий бицепсы и пресс, чтобы еще сильнее нравиться женскому полу. Можно ему только позавидовать. Или молча возненавидеть. Но никак не увидеть в нем беспощадного, безжалостного убийцу, на счету у которого горы трупов.

Увидев знакомую черную «Ауди», Самурай повис на турнике, сделал показательный переворот, а потом прыгнул и стал вытирать лицо, держа полотенце таким образом, чтобы не показать спрятанного внутри полотенца. Мускулистый, загорелый, он являл собой воплощение здорового образа жизни, постоянных физических нагрузок и правильного питания. Все это должно было импонировать Жукову, уже записанному Самураем в покойники.

Покойный Жуков при жизни часто занимал деньги и редко отдавал долги. При своем процветающем медицинском бизнесе он мог бы давно отказаться от давней привычки и вести дела честно. Но не хотел. Ему нравилось «кидать» партнеров, конкурентов, да и вообще кого попало. Он любил и умел войти в доверие, наобещать золотые горы, а потом разводить руками и сетовать на отсутствие денежных средств. Некоторые ждали годами. Нетерпеливые нанимали бандитов, не подозревая, что Жуков и сам является бандитом с давним и темным уголовным прошлым. *Кидняк* был его коньком. На кидняке сколотил он первоначальный капитал, кидняком не брезговал и теперь. Те, кто на него «наезжал», сами оказывались его должниками — их «разводили» по полной программе, ставили на счетчик, сажали на бутылки и знакомили с прочими оборотными сторонами предпринимательской медали.

Жуков этим наслаждался. Он был здоров, как бык, и собирался жить долго и счастливо. Беда его состояла в том, что слишком многих людей он обманул и обидел. Вот они-то и собрались укоротить Жукову жизнь. Для такой работы и был нанят Самурай.

Как обычно, машина высадила Жукова возле беговой дорожки и медленно покатила следом, выдерживая дистанцию в десять метров. Как обычно, Самурай снялся с места и побежал навстречу, продолжая утирать лицо краем зеленого махрового полотенца. Он тоже был

человеком деловым и жил по определенному распорядку. Ничего удивительного. Жуков лишь покосился на него, разминаясь. Самурай едва удержался, чтобы не подмигнуть ему заговорщически. У них имелась одна общая тайна. Одному предстояло быть убитым, а второму — убить.

Пробежав мимо «Ауди», Самурай тотчас развернулся и повернул в обратном направлении. Он давно подметил, что телохранители, сопровождая хозяина в парке, держат оба передних окна открытыми. Тонированные стекла, видите ли, мешали им бдительно обозревать округу.

Эта бдительность их и подвела.

Догнавший машину Самурай уже держал пистолет за рукоятку. Часть ствола была все еще накрыта полотенцем, но дуло было открыто и направлено на первую цель.

Ею являлся охранник, сидевший на пассажирском сиденье. Чок! И пуля проломила обращенный к ней висок с редкой порослью рыжеватого цвета. Там образовалось крохотное круглое отверстие, а с другой стороны выплеснулась кровь, и лицо водителя стало красным. Он снял руку с руля, намереваясь то ли утереться, то ли выхватить оружие, но не успел сделать ни того, ни другого. Пуля проломила ему череп над правой бровью. После этого телохранитель больше ничего не делал, а просто сидел мертвый, слегка покачиваясь, прежде чем сползти по спинке кресла вправо или влево.

«Ауди» медленно катила по дорожке за своим обладателем. Услышав за своей спиной громкие щелчки, он оглянулся и бежал с головой, повернутой назад. Так было недолго и упасть, что произошло, как только Самурай надавил на спусковой крючок в третий раз.

Чок! Для разнообразия выстрел был произведен Жукову куда-то в область сердца, а уж потом Самурай поравнялся с ним и добил. Секунды полторы покойник не сбавлял скорости, словно надеялся добежать куда-то. Куда? Зачем? Самурай не спросил, а Жуков не ответил. Оступился, споткнулся и упал: некрасиво, нелепо, беспорядочно, как никогда не падают в кино даже отрицательные герои. Всем хочется умереть красиво, пока они живы. Когда же приходит смерть, становится не до таких мелочей.

— Физкульт-привет, — сказал Самурай, на ходу завязывая полотенце с пистолетом в узел.

Добежав до берега, он, не снимая кроссовок, прыгнул в воду и поплыл, будоража зеркальную поверхность озера. Глубина его составляла тридцать метров, дно было песчаное, с множеством бьющих из-под земли ключей, так что никакие водолазы не смогли бы отыскать на дне утопленный пистолет, да и что бы это дало, учитывая стертые полотенцем отпечатки пальцев?

Доплыв до середины, Самурай сбросил кроссовки, а потом избавился от пистолета. Несколько раз он переворачивался в воде на спину, чтобы проследить за происходящим на берегу. Машина уже не ехала, а стояла, уткнувшись мордой в парковую скамейку. К лежащему на дорожке телу приближался бегун, но ему еще только предстояло обнаружить, что Жуков свалился не в обмороке и не от сердечной недостаточности. Времени до прибытия полиции было предостаточно.

Выбравшись из озера, Самурай поднялся по песчаному откосу и углубился в камышовые заросли чуть левее ивы, спаленной молнией. Там он оделся, тщательно побрился механической бритвой, натянул на голову дурацкую кепку с гнутым козырьком, сел на велосипед и покатил прочь. Ему предстояло проехать километров десять до следующего тайника с другой одеждой и ключами от автомобиля. Потом получить деньги от заказчика, еще раз изменить внешность и покинуть очередной город, в котором он совершил очередное убийство очередного человека. Привычное занятие пока что не превратилось для Самурая в рутину, и он надеялся, что этого не произойдет, а если произойдет, то не скоро. Потому что больше ему нечем было заполнить пустоту собственной жизни.

Он жил так, словно давным-давно умер. И там, где у обычных людей трепещет душа, у него был провал, пустота, черная дыра. Убивая других, он не заметил, как убил себя.

Глава вторая

Прошлое и настоящее

Мы не будем описывать здесь, как, где и чем жил Самурай на протяжении тех трех месяцев, что минули со дня его памятного заплыва, тем более что сам бы он не одобрил такое начинание. Не понравилось бы ему и то, если бы автору вздумалось привести здесь название города, в котором он объявился в сентябре, когда лето и осень еще не решили, кому из них править, а кому ждать своей очереди. Ведь это был город его детства. Там все началось, и оттуда было бы проще всего проследить жизненный путь самурая, чего он категорически не желал.

Достаточно сказать, что в городе имелась своя площадь Ленина с памятником (гранит, кепка, распахнутое пальтецо по колено), центральная улица имени какого-то революционного деятеля, два театра, цирк (не путать с театром), много так называемых коммерческих вузов, один так называемый государственный университет, должное количество школ и детских садов (отличающихся номерами), трамвайный и троллейбусный парки, просто парки, следственный изолятор и даже самая настоящая тюрьма, возведенная почему-то прямо в центре, напротив свеженького храма с блестящими луковками куполов.

Все это было настолько похоже на любой другой промышленный город-миллионщик, что посторонний не нашел бы здесь ничего примечательного и, тем более, достопримечательного. Для Самурая же городские пейзажи, проплывающие за окнами такси, имели особый, сокровенный смысл, поскольку со многими из них, если не со всеми, были связаны какие-то воспоминания.

Они, воспоминания, нахлынули на него с особой силой, когда он высадился из такси в квартале от своего дома, чтобы немного пройтись пешком и поностальгировать по безвозвратно ушедшему детству. Он прошел мимо величественного здания научно-исследовательского

института с барельефами и колоннами, пересек наискосок чахлый сквер и, нырнув в арку, очутился в знакомом до слез дворе. Здесь воздух, свет, все было иным, особенным, но по лицу Самурая никто не сказал бы, что он испытывает какие-то необычные чувства. Выражение его было каменным, равнодушным. Если он и разрешал себе некоторые эмоции, то все равно держал их под контролем.

Как и самого себя.

Всю свою жизнь.

Это походило на ощущение, когда постоянно сдерживаешься, чтобы не расплакаться. Стискиваешь зубы, гонишь лишние мысли и живешь дальше. Потому что исправить что-либо или начать сначала невозможно.

С непроницаемым лицом Самурай миновал подъезд, в котором некогда обитала его первая любовь... миновал скамейку, на которой едва не окочился после первой в своей жизни папиросы с травкой... машинально поздоровался с не узнавшей его тетей Клавой... вежливо отодвинул ногой жирного кота, разлегшегося перед подъездной дверью... приложил было пальцы к кнопкам кодового замка... и застыл. За годы скитаний он забыл цифры.

Выручил сосед, заметно сдавший дядя Валера, который когда-то был похож на Шурика из «Кавказской пленницы», а теперь сам походил на человека, только что освободившегося из плена у чеченцев.

— Вы к кому? — спросил он сварливо. — Не перепутали парадное?

Самураю всегда было смешно слышать, как жильцы именуют свои грязные, заплеванные, облупленные подъезды парадными, будто бы в них имелся другой ход, черный, используемый черню.

— Нет, — сказал Самурай. — Я к Константиновым.

— Колька? — определил дядя Валера, близоруко щуря глаза за стеклами очков.

— Я кого-то вам напоминаю?

— Обознался, значит?

— Бывает.

Самурай вошел в открывшуюся дверь и огромными прыжками поднялся вверх, чтобы семенящий позади дядя Валера не успел стать свидетелем его встречи с родителями.

Открыла мать. Он не сразу узнал ее и в первое мгновение опешил:

— Мама? Ты постриглась?

— Еще два года назад, — машинально ответила она, после чего опомнилась и бросилась Самураю на шею.

— Сынок! Ой, ноги не держат... Что же ты не предупредил? Я бы приготовила тебе что-нибудь вкусненькое...

— У тебя все вкусное, мама.

Самурай бережно оттеснил ее вглубь прихожей и захлопнул дверь, отгородившись от соседей. Это был его мир, куда никого не хотелось впускать, даже мимоходом.

Он был у родителей поздним ребенком, и теперь матери было за шестьдесят, а отцу — под семьдесят. Всякий раз, когда Самурай вспоминал об этом, его сердце тоскливо сжималось. Он почти желал погибнуть раньше, чем доведется хоронить родителей. С другой стороны, было бы слишком жестоко с его стороны обойтись с ними подобным образом. Он и так редко радовал их в молодости, а теперь и вовсе забросил. Не хотелось видеть, как они дряхлеют и старятся. Одних телефонных разговоров хватало. Мать всегда рассказывала о погоде и обсуждала политические события, заменяющие ей личную жизнь. Отец непременно оперировал десятком одних и тех же прибауток и парой стишков, которые цитировал словно в доказательство того, что все еще ясен умом и силен памятью, хотя эффект получался прямо противоположный.

— Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне? — прогудел он, появляясь в прихожей в майке поверх кучной седой поросли на груди.

— Коленька приехал! — провозгласила мать, словно он мог не узнать родного сына.

— Вижу, что Коля, не слепой. А поворотись-ка, сынку. Дай поглядеть на тебя.

— Здравствуй, папа.

Обнимая отца, Самурай внутренне сжался, ощутив под пальцами ослабшую, сильно сдавшую плоть.

— Ты надолго к нам, сынок? — спросила мать.

Ему почудилось, что он слышит в ее голосе не только радость, но и тревогу, вызванную тем, что их небольшую квартиру придется делить со взрослым, малознакомым мужчиной, в которого превратится сын, как только первые охи и ахи закончатся. Самурай и сам знал это. В

прошлый раз он не находил себе места уже на второй день и решил тогда, что будет по возможности сокращать визиты.

— Завтра уезжаю, — сказал он.

— Правда? — огорчилась мама.

Но и заметно приободрилась тоже.

— Собирай на стол, мать! — зычно распорядился отец. — У меня коньяк отличный есть, армянский. Пять звезд.

— Отлично!

Самурай растянул губы в улыбке. Он знал, что отец по привычке экономит на всем, а значит, коньячные звездочки на этикетке не соответствуют внутреннему содержанию.

— Но предлагаю моего рома попробовать, — сказал он, демонстрируя сумку с покупками. — Для мамы вино припасено, сладкое, как она любит.

— Не откажусь, — сказал отец. — Ну, проходи, сынок, располагайся.

Когда Самурай вышел из ванной, большой овальный стол был уже накрыт и заставлен, а ведущий из телевизора в углу радостно кричал что-то, как будто предвкушая славное угощение.

— Я сделаю звук потише? — спросил Самурай.

— Делай, — разрешил отец. — В дневных выпусках ничего интересного и важного не рассказывают, приберегают на вечер.

Прибежала мама, принесла новые тарелки. Несмотря на то, что они не готовились к приезду сына, еды и закусок было предостаточно. В какой-то мере Самурая это радовало. У родителей сохранялся хороший обмен веществ и на отсутствие аппетита они не жаловались, что свидетельствовало о здоровье.

— Селедочка, — тараторила мама, — помидорчики домашние, буженинка, хлебушек моей выпечки, пирожки с капусткой и картошечкой, позавчерашние, правда, но еще совсем свежие...

Для блюд и продуктов у нее всегда находились ласкательные, уменьшительные названия. Она заметно поправилась за последние годы, но не лицом, а нижней частью туловища, так что, усевшись, стала почти прежней, если не считать короткой прически, которая ей, кстати говоря, шла.

Выпивали, закусывали, запивали и много, беспорядочно, оживленно разговаривали. Самурай врал что-то про недавно начатый

бизнес, отец давал обстоятельные советы, как будто не проработал всю жизнь научным сотрудником, ни черта не смыслящим в частном предпринимательстве. Мать опасливо вздыхала: не выйдет ли собственное дело сыну боком, не разорит ли, не пустит по миру? Самурай ее успокоил, заверив, что в деньгах не нуждается и привез немалую сумму родителям, чтобы не отказывали себе ни в чем.

— На депозит положим, — солидно кивнул отец. — Мы давно, почитай, на проценты живем, кап, кап... Пенсию — на карточку, с нее и капает.

— Вы лучше тратьте, — сказал Самурай. — Смело. Я еще заработаю. Теперь каждый год буду привозить. Много.

— Зачем нам много, Коля? — улыбнулась мать благодарно. — Нам уже и не нужно ничего.

— Чтобы достаток был, вот зачем. Чтобы не отказывали себе ни в чем.

— Мы и так не отказываем, — заверил сына отец. — Зря я, что ли, депозиты завел? Копейка рубль бережет, слышал?

Так незаметно досидели до шести часов вечера, когда, спохватившись, мать схватилась за пульт, и телевизор заиграл торжественную, немного тревожную музыку, возвещающую о начале выпуска новостей.

— Может, пропустите? — спросил Самурай, размякший от съеденного и выпитого.

— Что ты! — испугалась мама. — Как можно?

— Мы за мировыми событиями следим, — сурово произнес отец, наполняя рюмки своим коньяком.

— Через час повторят, — сказал Самурай. — И будут долдонить по всем каналам, а потом преподнесут новые события. Тот заявил, этот посетил, те договорились... Что от этого меняется? Вот конкретно для вас?

— Тише, — попросила мать, с замиранием следящая за президентом, идущим куда-то энергичной походкой. — Сейчас что-то важное скажет...

Отец значительно кивнул и влил в себя коньяк, охватив рюмку ртом так, будто намеревался проглотить ее целиком.

Дождавшись окончания новостей, Самурай завел разговор, предполагающий ностальгические воспоминания, но тут подоспел

следующий выпуск, и президент опять энергично зашагал через экран, а родители почти перестали жевать. Взгляды у них были тусклые, отсутствующие.

— Оно вам надо? — рассердился Самурай. — Ведь опять талдычат одно и то же. Теми самыми словами.

— Помолчи! — прикрикнул отец. — Как город называется, я прослушал... Ну, тот, что взяли...

— Не все ли равно?

— Что? Как это? — Отцовские брови недоуменно подпрыгнули и тут же насупились. — Много ты понимаешь, Николай! Важные дела творятся, мирового масштаба. История.

Самурай тоже помрачнел, выпил коньяка, не скривившись, и вышел. Никто его отсутствия за столом не заметил. Все так же гремел и дудел телевизор, все так же зачарованно восклицали родители при сменах сюжетов. Возвращения не получилось. Некуда было возвращаться Самураю. В принципе, он знал это, но надеялся на чудо. Больше нет. Чудо, как и следовало ожидать, не произошло. Ну и черт с ним.

Глава третья

Валерия и Валерий

Хотя это был обычный завтрак перед началом рабочего дня, сервировка стола была безупречной. Валерия во всем любила не только порядок и красоту, но еще и утонченность, изысканность, без которых не бывает настоящей гармонии.

Сентябрьское солнце, бьющее в окно, отражалось в белоснежной, вымытой дочиста посуде. Во всех трех тарелках млела и исходила паром молочная рисовая каша. В специальных подставочках ожидали своего часа три яйца всмятку — по одному для каждого члена семьи Русановых. Слегка растаявшее масло было таким желтым, что казалось золотым. Абрикосовый джем светился волшебным оранжевым цветом. Серебряные приборы вспыхивали, соприкасаясь с солнечными лучами. Стол был застелен не какой-нибудь там пестрой клеенкой, а белой скатертью, хотя и не матерчатой, а пластиковой. Кафельные и металлические поверхности сверкали. Кухня была такой просторной, что по праву могла называться столовой.

Все эти детали были заслугой Валерии Русановой, если не считать той мелочи, что сама квартира была приобретена на деньги главы семейства, Валерия. Сходство их имен подразумевало родство душ, и если бы Валерию и Валерия спросили, имеет ли оно место в их отношениях, они бы, не колеблясь ни минуты, ответили бы, что да, конечно, они очень, очень близки и любят друг друга.

Минувшей ночью между ними был секс, и этим утром Валерия выглядела такой свежей, веселой и возбужденной, что дочь Виктория то и дело поглядывала на нее, пытаясь разгадать секрет маминой красоты и необычности. Ей было восемь лет, поэтому ей в голову не приходило, что причина может быть столь прозаической.

Валерия носила высокую прическу, которая ей необыкновенно шла, придавая ее худому, слегка вытянутому лицу некую аристократичность, которой на самом деле не было и в помине. Она

вышла из простой семьи и работала всего лишь заведующей терапевтическим отделением в городской больнице. Назвать ее красавицей было бы слишком громко. Хотя среди других женщин своего круга и возраста Валерия, несомненно, выделялась. Плюс к этому у нее была великолепная фигура, которую даже не приходилось подчеркивать.

Супруг Валерий, разумеется, знал об этом и был доволен, что отхватил себе такую видную женщину. В ночном клубе, которым он владел, имелось полным-полно девушек на любой вкус, однако мало кто из них мог сравниться формами с Валерией. На его взгляд, единственным недостатком являлось то, что волосы у нее были темно-русые и красила она их в рыжий морковный цвет, тогда как Валерий делал стойку на жгучих брюнеток. Он и сам был брюнетом. В его внешности угадывалось нечто восточное, особенно когда он отращивал небольшую, тщательно подбритую бороду. Нос полумесяцем, черные брови и глаза, чувственный рот.

Женщины первым делом замечали не внешность Валерия Русанова, а его манеру поведения. Он держался и вел себя как положено состоятельному, преуспевающему бизнесмену. Его жесты были властными, речь — уверенной, взгляд — прямым, позы — расслабленными. Положение избавляло его от необходимости суетиться, спешить, подлаживаться, заискивать и совершать множество подобных унижительных мелких дел, без которых не обойтись на нижних ступенях социальной лестницы.

Дочь была уже достаточно взрослой, чтобы не только чувствовать, но и понимать особое, привилегированное положение своего отца. Это наполняло ее той особой произвольной гордостью, которой девочка так и светилась, находясь на людях и среди сверстников. Она осознавала, что ее папа особенный, не чета множеству других пап, и вела себя соответственно. Не настолько вызывающе, чтобы в школе ее считали задавакой, но и без лишней скромности. Виктория в своем классе была отнюдь не серой мышкой.

— Папа, — сказала она, поглядывая на Валерию, намазывающую тосты маслом, — а почему мама сегодня такая веселая?

— А ты у нее спроси, — улыбнулся Валерий.

Несмотря на то, что есть он старался предельно аккуратно, в бороде его, как обычно, выделялись две или три крошки. Валерия

посмотрела на них, почувствовала мгновенное легкое раздражение и, чтобы компенсировать его, тоже улыбнулась:

— Папа у нас хороший, — сказала она, — вот я и улыбаюсь.

— Папа хороший, — согласилась Виктория. — Самый лучший даже.

— Стараюсь, — произнес Валерий с короткой самодовольной улыбкой.

Он широко открыл рот и отправил туда треугольный тост, врученный ему Валерией. Тост поместился там целиком, но на бороде появилась новая крошка. Пока Валерий хрустел тостом, она протянула ему салфетку.

— Потом, — сказал он, отведя ее руку. — Я не просил.

На лице Валерии проступило новое выражение. Теперь она не казалась радостной и счастливой. Ее коричневые глаза сделались непроницаемыми. Она опустила голову и принялась есть. Ее плечи были очень прямыми. Взглянув на нее, Виктория тоже села прямо и вытянула шею, чтобы казалась длиннее и тоньше.

— У меня юбка закашлатилась, — сообщила она. — Школьная. Неприлично ходить в такой.

— Новую купим, — пообещал Валерий, не переставая жевать. — Напомни вечером. Поищем в интернете.

— Почему не в магазине? — надулась Виктория. — Мне еще много чего надо.

— Тогда терпи до выходных, — сказал он, пожимая плечами. — У меня работа.

— Я не хочу до выходных. Я хочу сегодня.

— Вика! — прикрикнула на дочь Валерия. — Что это еще за тон? Ну-ка, смени быстро. Не то не будет тебе ни юбки, ни всего остального.

— Почему же. — Валерий снова пожал плечами. — Юбку купим, нужно же в чем-то в школу ходить. А вот остальное... Остальное заслужить надо.

Дух противоречия проснулся в душе маленькой Виктории.

— Я не хочу заслуживать! — заявила она.

Он пожал плечами в третий раз:

— Не надо. Никто не заставляет. Твой выбор, Вика.

— Тогда мне ничего не надо! Ни юбки, ни вообще ничего.

Девочка засопела, раздув ноздри.

Отец равнодушно посмотрел на нее:

— Как хочешь.

Виктория швырнула вилку, вскочила и выбежала из кухни.

Валерий повернулся к Валерии:

— Верни ее.

— Почему не сам? — нахмурилась она.

— Так будет психологически верно, — пояснил он. — Это покажет Вике, что мы заодно, что у нас команда, а против команды не попрешь.

— Почему же тогда ты меня вчера не поддержал? Когда я настаивала, чтобы Вика вовремя отправилась спать?

— Еще до того я пообещал ей, что она сможет лечь на полчаса позже.

— Выходит, твое слово важнее моего? — прищурилась Валерия.

Борода Валерия задвигалась вместе с крошками, когда он ответил:

— Конечно. Глава семейства — отец. — Последнее слово всегда за ним. И первое.

— Почему это?

— Что почему?

— Почему ты считаешь себя главнее?

Валерий усмехнулся:

— Кто в нашей семье добытчик? Не я?

— Я тоже зарабатываю! — запальчиво воскликнула Валерия.

— Ой, я тебя умоляю. Сколько ты там зарабатываешь в больнице своей. — Он наконец воспользовался салфеткой, вытерев сначала руки, а потом уже рот. — Зови Вику. Пусть вернется на место и доест все, что бросила.

— Сам зови!

Валерия встала и принялась собирать посуду со стола. Ей вдруг вспомнилось, как ночью Валерий потребовал от нее сделать то, что она не очень-то любила делать. Причем слово подобрал какое-то обидное. *Исполни*. Ласково попросил, не требовал, но все равно как-то неприятно. И чувство унижения осталось. Интересно, кто ему там в клубе *исполняет*?

Валерия раздраженно загремела посудой, засовывая тарелки в посудомоечную машину.

— Ты оглохла? — спросил Валерий.

Он не повысил голоса, но тон изменился. Поджав губы, Валерия не ответила.

— Хорошо, — произнес он. — Я понял. Ты не желаешь со мной разговаривать. Что ж, это твой выбор. Поиграем в молчанку.

Он встал. Валерии захотелось причинить ему боль, и она знала, как это сделать.

— Ты всегда во что-нибудь играешь, — обронила она. — Игрок.

— Что? Что ты сказала?

Валерий схватил ее за предплечье и повернул к себе.

— Что слышал!

Она вырвалась и снова отвернулась.

— Ты мне до конца жизни будешь теперь напоминать? — прошипел Валерий.

Валерия подумала, что не следовало колоть его так сильно. Впереди выходные, а квартира во время размолвок становится такой большой и неудобной.

— Ты сам собрался играть в молчанку, — произнесла она с упреком. — Не я.

— Не крути! — Он опять заставил ее стать к нему лицом. — Ты намекала!

— На что? — спросила Виктория, вернувшаяся в кухню уже полностью одетая и с рюкзаком за спиной.

Понятное дело, она даже не догадывалась о том, что одно время ее любимый папа был азартным карточным игроком и просаживал целые состояния в казино и подпольных клубах. Валерия его тогда в беде не бросила, вытащила из этой трясины. Уже за одно это он обязан хранить ей благодарность по гроб жизни. Но Валерий не из тех, кто признает свою зависимость перед кем-то или перед чем-то. От него благодарности не дождешься.

— Тебя дочь спрашивает, — сказал он Валерии. — Ответь ей.

— Мы с папой поспорили немного, — выдавила она из себя. — Сама знаешь, как это бывает, Вика. Слово за слово, и вот уже ссора получилась.

— Сегодня ты Вику отводишь, — произнес Валерий резко. — Мне некогда.

И вышел из кухни, ни с кем не попрощавшись.

— Ого! — прошептала Виктория. — Злой.

— Остынет, — ободряюще улыбнулась Валерия.

Они вместе вышли из дома и сели в ее «Ситроен». Валерия включила зажигание и радио, настроенное на волну классической музыки. Заиграли скрипки и виолончели. Ворота разъехались. «Ситроен» выехал из гаража на улицу.

— Быстрее, мама, — попросила Виктория. — Я опаздываю.

— Успеем.

Валерия посмотрела по сторонам и переехала на другую сторону тихой улицы с особняками за оградами.

Диктор объявил по радио следующий номер.

— Что такое «исполняет»? — спросила Виктория.

Валерия непроизвольно поморщилась и посмотрела на дочь в зеркало.

— Что за глупые вопросы! Ты знаешь.

— Знаю, мама, — признала Виктория. — Но почему «исполняет»? Разве нельзя просто сказать «играет»?

— Можно, — сказала Валерия. — По-разному можно, но смысл все равно один и тот же остается. Поняла? Всегда одно и то же.

— Нет.

— Ничего, поймешь, — пообещала Валерия и набрала скорость, как будто надеялась обогнать свои мысли и оставить их далеко позади.

Глава четвертая

Осложнения и рецидивы

Спроси вас, кто такой терапевт, и вы с большой долей вероятности ответите, что это такой себе участковый врач, который и на дом придет по вызову, и больничный даст, и нужную справку выпишет. Но мало кто знает, что терапевты стоят на страже нашего здоровья и вся медицина на них держится.

Кому-кому, а Валерии Русановой это было отлично известно. И порой ей бывало обидно за то, что люди настолько недооценивают ее профессию.

Область знаний терапии огромна, порой необъятна. Не каждому дано ее освоить, не каждый способен вникнуть во все детали и тонкости. Настоящих специалистов мало — раз, два и обчелся.

Валерия была хорошим специалистом.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ